

История

УДК 94(470.4)

Протоиерей Сергей Демакин

Репрессивная советская политика в отношении мусульманского духовенства в 20-30 гг. XX века в Оренбургской области

Статья посвящена исследованию причины, этапов и масштаба репрессий в отношении мусульманского духовенства в 20-30-х гг. XX в. в Оренбургской области. Раскрывается традиция общественного поминовения всех политически убиенных на месте расстрела в Зауральной роще г. Оренбурга. В хронологической последовательности показывается, как раскручивается маховик репрессий, достигая своего пика в годы безбожной пятилетки (1932 – 1937 гг.). Несмотря на фактическое уничтожение всех мусульманских общин в Оренбургской области, результаты переписи населения 1937 г. показали массовый героизм веры, большинство назвали себя верующими людьми.

Ключевые слова: Гражданская война, репрессии, мусульманское духовенство, мемориал памяти жертв политических репрессий, Центральный Мусульманский Комиссиариат, свобода совести, мечеть, религиозное обучение, перепись населения, героизм веры.

Историческая память о репрессированном духовенстве является важной частью современного духовного возрождения общества, которое, осознав исторические уроки этих трагических событий, создает нравственные основы для того, чтобы они больше не повторялись.

В Зауральной роще г. Оренбурга есть место расстрела политических заключенных – мемориал памяти жертв политических репрессий, которое является региональным памятником культурно-исторического наследия по решению исполнительного комитета Оренбургского областного Совета народных депутатов № 158 от 02.07.01991 г. [1, с. 445]. Памятный мемориал был установлен на общественные средства в мае 1989 г. одним из первых в СССР. Он выполнен в виде Голгофы – Крест на возвышении из камней из серого гранита, в центре которого книга, с отверстиями от пуль. В

книге, которая символизирует человеческую жизнь, отданную Богу за отстаивание нравственной правды, на развороте слева изображен крест (символ христиан) и справа – полумесяц (символ мусульман). На гранитной плите выгравирована надпись: «Вам, великомученикам, безвинно расстрелянным в годы сталинских репрессий и погребенным здесь – вечная память!». На этом месте было расстреляно не менее 8414 человек, всего в период террора 30-х годов в Оренбуржье было репрессировано – 26 286 человек, из них реабилитировано – 25 376 человек [1, с.3].

Ежегодно здесь совершаются общественные митинги и панихиды православным и мусульманским духовенством: в День памяти жертв политических репрессий Оренбуржья (второе воскресенье июля), во Всероссийский день Памяти жертв политических репрессий (30 октября), в День единства России (4 ноября), православная литургия по расстрелянным христианам (6 мая). Православные и мусульманские священнослужители в дни памяти совершают молитвы о всех убиенных на этом трагическом месте. Это факт символичен, ибо он показывает, что православное и мусульманское духовенство вместе молились в местах заключения и расстрелов. Молитву о мире в сердцах людей теперь повторяют их внуки, за которых они отдали жизнь. Родственники убиенных установили здесь более 150 табличек (на берегах) и надгробий, в память репрессированных. В том числе, здесь есть таблички с мусульманскими именами (на них изображен символ полумесяца): Валитов Газис Давлетшанович (12.02.1899 – 29.10.1937 г.); Музафаров Хабибрахман Ситдинович (02.03.1901 – 10.09.1937 г.); Галямов Сагат (14.11.1882 – 16.10.1937 г.), Вахитов Миннах Исхан улы (1889 – 1938 г.) и др. Имена всех безвинно пострадавших вписаны в Книгу памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области [1].

Причинами репрессивной советской политики в отношении ислама как религии и мусульманского духовенства стали: 1) Атеистическая идеология государства, которая рассматривала религию как пережиток прошлого, иллюзорное отражение мира, который должен исчезнуть при коммунизме. 2) Классовая борьба с духовенством как части эксплуататорского общества, как классового врага пролетариата. Усиление этой классовой борьбы с религией было провозглашено на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 года. 3) Политическая тоталитарная причина, связанная с ликвидацией всех политических противников советской власти, всех инакомыслящих

в обществе, подчинение всех граждан единой атеистической идеологии. 4) Экономическая причина, связанная с изъятием материальных ценностей у религиозных общин и лишения их средств к существованию. Закрывание мечетей усилилось в период политических компаний власти по коллективизации сельского хозяйства и индустриализации первой половине 1930-х гг. 5) Правовая причина, лишавшая религию юридических гарантий неприкосновенности и общественных функций, ограничение гражданских прав и свободы совести у верующих [2, с. 98]. Формирование нового советского человека предполагало тотальную секуляризацию, изгнание религии из всех сфер общественной жизни, формирование новой социальной идентичности на основе веры в коммунизм и научный атеизм.

В первые годы Советской власти можно выделить два этапа в репрессивной политике в отношении ислама: секуляризационный (1917 – 1928 гг.), когда происходило выдавливание религии из сфер общественной жизни, ограничение мусульманского образования и прав верующих; тотальных репрессий (1929 – 1940 гг.), уничтожение верующих и закрытие мечетей.

С самых первых решений Советской власти в отношении ислама была занята политика «двойных стандартов» – формально объявлялась свобода совести и неприкосновенность традиций ислама, фактически был взят курс на их постепенное уничтожение. 20 ноября 1917 г. было принято Обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором гарантировались права верующих:

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [3]. Но, уже вскоре выходит Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [4], который при формальном провозглашении свободы совести (статья 3), тут же нарушал эту свободу, национализируя все здания мечетей, медресе и мектебов, все вакуфные пожертвования и другое религиозное имущество. В статье 12 Декрета было запрещено религиозным организациям владеть какой-либо собственностью, они лишались прав юридических лиц. В январе 1918 г.

при Наркомате национальностей был создан Центральный Мусульманский Комиссариат (Центмуском), во главе которого в центре и на местах встали «красные муллы». Он был создан для организации жизни и деятельности мусульманского населения РСФСР, но фактически для подготовки революции на мусульманском Востоке. Для борьбы с контрреволюцией с августа 1918 г. в Оренбурге действовал губернский комиссариат Центмускома. В начале 1918 г. новой властью было закрыто медресе «Хусаиния» и организованы советские курсы для мусульман [5].

Последующая Гражданская война, разделила все общество на непримиримые стороны «красных» и «белых». Большинство мусульманского духовенства оставалось приверженцем бывшей имперской власти, защищавшей устои религии в обществе, в отличие от новой большевистской власти. Но Советская власть умело сыграла на националистических чувствах мусульман, предоставив им региональные автономии и перетянув большинство мусульман под социальными лозунгами из-под влияния «белых». Вместе с отступающей армией Колчака ушли за границу около 500 лояльных к белой армии мулл с Урала, среди них был и башкирский просветитель Мухамед-Габдулхай Курбангалиев (1889 – 1978) [6, с.72]. За связи с «белым» движением 23.06.1919 г. был арестован и расстрелян в Оренбургском ЧК мулла Тайсинов Назметдин (1894 – 1919) [24].

После ликвидации большевиками в 1920 г. в Средней Азии двух мусульманских государств (Хивинское ханство и Бухарский эмират) до середины 1930-х гг. в Средней Азии Советская власть оставалась не прочной в силу сильного басмаческого движения, которое участники этого движения объявляли джихадом (священной войны мусульман против большевиков). В связи с этим многие муллы, связанные с басмачеством, подверглись репрессиям.

С 1922 г. начинается ограничение политических и имущественных прав мусульманского духовенства. Имамы были приравнены к лицам, живущим на нетрудовые доходы и были лишены избирательных прав [7, с.52]. Все культовые здания (мечети) были обложены высокими налогами и обязательными страховыми взносами. Если по Положению о подоходном налоге 1924 г. максимальная прогрессивная планка налога составляла 37,5 %, то в 1926 г. она увеличилась до 67,5 %, а в 1927 г. – до 81 %. Это приводило к закрытию мечетей и убыли мусульманского духовенства. Только в Халиловском районе

Оренбургской области с 1920 по 1924 г. было закрыто 8 мечетей и 4 церкви, в которых разместились школы, клубы и зерносклады [14, с.203]. Азанчей 3 соборной мечети г. Оренбурга Ш.С. Шарипов из-за высокого налога с 13.08.1928 г. оставил службу в мечети [20, с.25].

4 мая 1923 г. в Оренбурге в течение двенадцати дней проходил «Комсомольский Байрам», который открыл в регионе масштабную компанию против ислама. С возникновением в 1924 г. Союза Безбожников эта работа стала массовой и системной [15]. 21 февраля 1927 г. постановлением Наркомата труда СССР все мусульманские священнослужители были лишены права на пенсию и пособие по безработице. Дети священнослужителей лишались права на бесплатное образование и призыв в Красную Армию. По циркуляру Народного комиссариата земледелия РСФСР от 13.03.1928 г. запрещалось наделение земель семей священнослужителей [2, с. 104].

28 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР отменил закон о религиозном обучении. В результате этого решения в Оренбурге была закрыта семигодичная богословская школа при четвертой соборной мечети и четырехгодичная школа при шестой соборной мечети. Педагогов первой мечети за продолжение образовательной деятельности арестовали и отправили в ссылку [7, с. 114.]. Высокий процент выпускников медресе (41,8%) показала школьная перепись 1927 г. среди татарских педагогов [9, с. 54]. Был взят курс на подготовку советских атеистических кадров для национальных школ.

17 сентября 1928 г. было издано постановление ВЦИК о передаче культовых зданий, в том числе и мечетей, под культурно-просветительские цели. В результате такой политики в начале 30-х гг. в Башкирской АССР было изъято 1047 мечетей, из которых в 51 здании были размещены школы и клубы, а остальные (838) были использовано под хозяйственные нужды [10, с.148]. Всего из 2414 мечетей на 1927 г. в Башкирии к 1941 г. осталось 12 [10, с.196]. Всего на 1927 г. в ведение ЦДУМа было 14825 приходов, подавляющее большинство из которых были закрыты к 1941 г. Оренбургский мухтасибат входил в ЦДУМ и был распущен в 1932 г. По постановлению НКВД РСФСР от 10 октября 1929 г. № 329 все религиозные объединения объявлялись ликвидированными, если они не пройдут перерегистрацию до 1 мая 1930 г. по новому порядку [18, с.30]. В 1930 г. в Оренбурге были закрыты 8 из 10 мечетей г.: мечеть на Меновом дворе полностью разрушена; 1-я мечеть (ул. Левашова, 12) переоборудована в жилой дом; 2-я мечеть (знаменитый Караван Сарай) использовался под

клуб и городской планетарий, 4-я мечеть (ул. Комсомольская, 202) под клуб, ныне хозпомещение госпиталя ветеранов войны. В 1931 г. закрыты: 3-я мечеть – была детским домом, швейной фабрикой; 5-я мечеть «Сулеймания» была общежитием, детским домом; 6-я мечеть «Хусаиния» использовалась как здание татарского педагогического техникума [11]. В 1934 г. были закрыты все семь мечетей Сеитового посада (Каргалы), в них разместились две школы, два клуба, столовая и зернохранилище [12]. Последними были закрыты в 1937 г. 7-я соборная мечеть «Рамазан» (здание передано отделу милиции) и 9-я мечеть в Форштадте (снесена). Но, несмотря на гонения, соборную мечеть в 1936 г. посещало от 800 до тысячи человек [12, с. 47]. Примером закрытия мечети в сельских районах стало село Султакай Александровского района. Изначально, в сентябре 1934 г. сельсовет по своему решению засыпал в здание мечети собранный хлеб. Община продолжала исправно платить все налоги за здание мечети, при этом совершать богослужение в частных домах ей было запрещено под угрозой штрафа. В результате проведенного сельского собрания в 1935 г. местные власти закрыли мечеть, как «бездействующую» в течение двух лет и переоборудовали ее под сельскую школу [12, с.47]. В селе Утеево Ивановского района Оренбургской области 4 мая 1930 более 50-ти мусульманок устроили выступление по поводу закрытия мечети перед праздником Курбан-байрам, в результате чего порвали рубаху секретарю сельсовета, инициатору закрытия. После этого верующим выделили другое пустующее помещение для молитвы [31]. Всего 30 человек колхозников (к/з «Урал») в поселке Нежинский Оренбургского района своим решением закрыли мечеть, передав под клуб, хотя в поселке проживало более тысячи человек [31]. Большинство мечетей в Оренбургской области были просто уничтожены, как например, власти сожгли две мечети в г. Бугуруслан [23, с.69]. Бывшим мусульманам, ныне коммунистам, доверялась почетная обязанность – сбросить минарет (от араб. «минара», «маяк с полумесяцем»). Так, подаренный купцом Мякинковым позолоченный минарет в 1847 г. в мечеть Караван-Сарая был в 1930 г. был торжественно сброшен и ныне находится в одном из залов музея истории г. Оренбурга. У верующих даже сложился тип песнопений (плач-мунажата), описывающих данную скорбь. «Ай, минарет, ты стал как знак для верующих. Кто спилил тебя, сбросил, опозорил себя навек...» [23, с.69].

18 июня 1929 г. решением ВЦИК СССР было запрещено преподавание мусульманского вероучения, было полностью конфисковано закятное имущество и вакфы [16, с.216]. Началось изъятие религиозных учебников из библиотек национальных школ и запрещение ведения религиозных предметов. 7 августа 1929 г. в связи с Постановлением ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» была отменена письменность на основе арабской графики. 30 ноября 1928 г. было создано Оренбургское окружное бюро по введению нового тюркского алфавита. К началу 1929 г. большинство татарских школ Оренбургского округа были снабжены за счет ЦИК НТА новыми учебниками на латинизированном алфавите [16, с.218]. В результате такой культурной политики к концу 1930-х гг. у мусульман обозначилось культурное разделение: большинство мусульманского населения получило образование на кириллице и латинице, а лишь небольшая взрослая часть – на арабице.

В результате начавшейся коллективизации около миллиона советских мусульман бежали из Средней Азии в начале 1930-х гг. в Китай (Синьцзян) и Афганистан [17, с.108]. В силу голода 1932 – 1933 гг. многие казахи-мусульмане погибли. Из-за массового раскулачивания у мусульманских общин значительно сузилась возможность для материального существования, ибо пожертвования (закят) давали в основном зажиточные мусульмане. В 1932 г. был запрещен хадж и открыт только в 1944 г., в котором обычно участвовали несколько человек до 1991 г.

В 1930-е гг. сотрудники ОГПУ-НКВД фабриковали антисоветские дела по политическим статьям, либо по теме панисламизма (если группа мусульман выступала за единение всех мусульман, либо по теме пантюркизма (если они выступали за самоорганизацию по национальному признаку) [17, с.103]. Так, в 1936 г. по «Делу о заговоре руководителей ЦДУМ» были арестованы и расстреляны более 30 человек, в том числе три руководителя (казыя) ЦДУМ. В 1938 г. по делу «Идель-Уральской организации» прошли несколько сот человек, за создание шпионско-диверсионно-повстанческой организации и подготовку националистического пантюркистского государства «Великого Турана» [28, с.241]. Руководству Центрального духовного управления мусульман (К. Тарджиманову, Р. Фахретдинову), а представителям татарской элиты (Р. Ибрагимову, Г. Исхаки, С. Максуди, М. Бигиеву, Ю. Акчурина) вменялась идейная

подготовка членов антисоветской группы. Из 14 арестованных мулл, некоторые были из Абдулинского и Бугурусланского районов ныне Оренбургской области. В г. Куйбышеве (ныне Самара) были расстреляны 41 человек во главе с муллой Мухамед-Фатых Муртазиным [28, с.241]. Один из проходивших по делу, мулла мечети с. Теплый Стан Ахметгирей Гильманов вспоминал: «когда начинал совершать намаз, то заключенные затихали. Если кто-то громко говорил, то другие обрушивались на него со словами: «Тихо! Ты разве не видишь, что хазрат молится за всех нас. Он просит у Бога, чтобы мы все возвратились к своим близким живыми и здоровыми. Ведь Бог один для всех. Только религии разные. Не мешайте!». И никто не мешал, ни заключенные, ни лагерная администрация» [29]. В 1940 г. по панисламистскому делу «Цепь Корана» (1940 г.) прошло более 350 человек. Обвиняемым инкриминировалась антисоветская деятельность, шпионская деятельность в пользу Турции, подготовка вооруженного восстания и создание мусульманского государства. В 1989 г. все они были реабилитированы, а дела признаны сфальсифицированными.

В Книге памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области [1] содержатся имена необоснованно расстрелянных в Зауральной роде двенадцати мусульманских священнослужителей: с. Карагузино ныне Саракташского района Мухаммедзакир Абдулвалиевич Халитов (1877 – 1937); с. Новоякупово ныне Абдулинского района Насретдин Идрисов (1880 – 1931); с. Новосултангулово ныне Асекеевского района Габдулкуптус Бурганутдинов (1862 – 1937); пос. Акбулак ныне Акбулакского района Галиулла Салаватов (1873 – 1937) и Улюме Катаевич Катаев (1877 – 1937); с. Асекеево Асекеевского района Мухаммедхаррас Шарифзянович Сулейманов (1871 – 1937); с. Кутлуево Асекеевского района Абдулхак Абдулкадырович Мазитов (1869 – 1937); с. Кульчумово ныне Саракташского района Ахмат-Газис Вагизович Бакиев (1872 – 1937), 5-я мечеть г. Оренбурга Абдулла Загидуллоевич Кашаев (1883 – 1938); с. Новоякупово ныне Абдулинского района Кашаф Булатов (1864 – 1937); г. Соль-Илецка Сабит Исмагилович Зайтов (1860 – 1937); с. Тарханы ныне Асекеевского района Махмут Идрисов (1886 – 1937). Также к ним необходимо причислить: расстрелянного 26.09.1937 г. мударриса 2-й соборной мечети д. Бакаевой Бугурусланского уезда Абдуллу Абдурахманова (1867 – 1937) [1]; расстрелянного 15.02.1938 г. (ст. 58-10, ст. 58-11 УК) муллу Мукминова Авхади Мухаметшиновича (1858 – 1937)

[23, с.314]; муллу Муратова Гариф Харисовича (1883 – 1937), приговоренного тройкой при УНКВД по Оренбургской области 16.09.1937 г. по ст. 58-10 к ВМН; муллу ст. Нижне-Озеринская Краснохолмского района Ибряева Сафа Бикуловича, расстрелянного 10.10.1937 г. [35, с.696]. Местом массовых расстрелов мусульманского духовенства, как и всех политзаключенных стала Зауральная роща в Оренбурге [8, с. 114-116].

Сотни мусульман Оренбургской области были подвергнуты длительным срокам заключения, высылке в Среднюю Азию и Сибирь. Так, мулла с. Верхняя Бахтияровка Сорочинского района Давлетов Габбас Галеевич (1878 г.р.) 30.04.1934 г. тройкой ПП ОГПУ по СВК был отправлен на 5 лет ИТЛ в ссылку [35, с. 162]. Мулла с. Медведка Сорочинского района Хисанов Садрей (1870 г.р.) 13.04.1931 г. тройкой ОГПУ по СВК приговорен к 3 годам высылки [35, с. 643]. Мулла в п. 2-я Зубочистка Краснохолмского района Абузяров Халим Шахисламович приговорен тройкой ОГПУ СВК 27.03.1930 г. на 5 лет ИТЛ [35, с. 22].

Ярким примером героизма веры стала жизнь муэдзина села Верхние Чебеньки Сакмарского района Карима Мухаметгалимовича Искандарова (1890 – 1967). В начале 1930-х гг. он был, как и многие, раскулачен со всей своей семьей на поселение в Акмолинскую область Казахстана. В семье у него было 6 детей, 2 брата – Галим и Хаким, 2 сестры – Фархиямал и Хусниямал. Работал на стройке железной дороги Караганда – Кузнецк и в совхозе поселка № 5 Шортандинского района. В ссылке у него умирают два сына (Расих и Фагим), дочь Минзифа и жена Фатыма. Двое других сыновей (Габдрахман и Габдрауф) погибли на фронтах Великой Отечественной войны. В 1954 г. Карим Искандаров возвращается в родное село, где прожил до 1967 г., оставив у односельчан память глубоко верующего человека [26].

Были и другие примеры психологического слома личности. Так мулла каргалинской мечети Гумер Давлетьяров, не выдержав гонений, бросился в колодец и покончил жизнь самоубийством [2, с.158]. Некоторые, шли на сделку со следствием и оговаривали ближних в антисоветской деятельности. Мулла Алабайтальской мечети Беляевского района Х.М. Махмутов в 1932 г. публично отрекся от сана муллы и вступил в колхоз, работал плотником. В 1937 г. за участие в «военно-казачьей повстанческой организации» был расстрелян [33, с.113]. Согласно сведениям А.Н. Старостина, 89

% имамов Урала были репрессированы, из них половина были расстреляны [9, с. 102]. По сведениям председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, за годы сталинских репрессий было убито около 30 тысяч мусульманских священнослужителей, на 1937 г. из 14300 мечетей осталось только 150 [2, с. 216].

Под давлением массовых репрессий религиозная жизнь мусульман Оренбургской области ушла из общественной сферы в частную, семейную сферу, где верующие втайне продолжали придерживаться традиций ислам. О массовом героизме веры верующих свидетельствуют результаты переписи населения СССР 1937 г. Перепись должна была зафиксировать победу «пятилетки безбожия» (1932 – 1937 гг.) и курса на победу социализма над религией. Участвовало в переписи 98,4 млн. человек (от 16 лет и выше), из них – 44,8 млн. мужчин и 53,6 млн. женщин. Верующими назвали себя 55,3 млн., из них 19,8 млн. – мужчины и 35,5 млн. – женщины. Неверующими – 42,2 млн. чел., из них 24,5 – мужчины и 17,7 – женщины. Не ответили на вопрос о религиозной принадлежности – 0,9 млн. человек. Мусульманами себя назвали 8,3 млн. человек [27, с.94]. Это была явная победа верующих над безбожной Советской властью. Поэтому результаты переписи были засекречены и не разглашались в советское время.

Репрессии в отношении мусульманского духовенства в 1939 – 1940 гг. значительно сократились, поскольку жертв стало меньше, чем в период «Большого террора». Начиная с 1937 по 1945 г. в Оренбургской области не было ни одной открытой мечети, все мусульманское духовенство было репрессировано. В 1941 г. в СССР осталась только одна действующая мусульманская религиозная организация – Центральное духовное управление мусульман в г. Уфе, которую возглавлял Г.З. Расулев [30, с.103].

Таким образом, масштабная картина советских репрессий в отношении ислама и мусульманского духовенства показывает какой трудный путь прошла мусульманская община Оренбургской области в эти годы. Массовый героизм верующих мусульман позволил в настоящее время воспитывать юных мусульман на примерах мужества их предков, отстаивавших традиции ислама в жизни народа. Это позволяет говорить о духовном возрождении современного общества, входящего в эру новых новаций, но опирающегося на твердые нравственные устои прошлого.

Литература

1. Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2017. – 468 с.
2. Хакимов Р.Ш. Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. Челябинск: ООО «Абрис-Принт», 2013. – 735 с.
3. Газета временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 7 декабря (24 ноября) 1917 г. – С.1.
4. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: – М.: Политиздат, 1957–1997. – Т. 1. – С. 371–374.
5. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф.1. Оп.1. Д.1025. Л.243–246.
6. История Урала. XX век./ под ред. Личмана Б.В. – Екатеринбург, 1998 г. – 448 с.
7. Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики Советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). – М., Нижний Новгород: Медина, 2012. – С. 51 – 52.
8. Денисов Д.Н. Репрессии против мусульманских священнослужителей в 1920–1930 гг. / Край Оренбургский: праведной дорогой ислама. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2007. – 192 с.
9. Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. М.: Логос, 2007. – 144 с.
10. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 349 с.
11. Государственный архив по Оренбургской области (ГАОО). Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 67.
12. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 21.
13. Косач Г.Г. Ислам в Оренбургской области. – М.: Логос, 2008. – 148 с.
14. Федорова А.В. Антицерковная государственная политика // Христианство и ислам на рубеже веков. – Оренбург, 1998.
15. ОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.454. Л.3.
16. Худобородов А. Л., Яшина М. А. Взаимоотношения советского государства и религиозных конфессий в образовательной сфере в 1920-х годах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2011. – № 9. – С. 208–218.
17. Гусева Ю.Н., Бегасилова Ж.А. Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г. // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 99 – 110.
18. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991): автореф. дисс... докт. истор. наук. – Махачкала: Б.и., 2010. – 36 с.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 5263. Оп. 1. Д. 1632. Л. 121–122.
20. Денисов Д.Н., Моргунов К.А.. 130 лет Центральной соборной мечети Оренбурга. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – 100 с.
21. Гусева Ю. Н. Мрачное эхо «Дела ЦДУМ»: «Цепь Корана» и репрессии против мусульманской элиты в СССР (1940 год) // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С.85-98.
22. ЦГИА РБ. Ф. И-295, Оп.14, Д. 11, Л. 85об.-86.
23. Ислам на Урале: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. редактор – Д. З. Хайретдинов. – М.: Издательский дом «Медина», 2009. – с.314.

II Научные труды

24. Денисов Д.Н. Репрессированные имамы Оренбургской области// Национальная историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://interpretive.ru/termin/repressirovannye-imamu-orenburgskoi-obl.html> Дата обращения: 12.01.2019.
25. Белая книга. Самарская область: о жертвах политических репрессий / [ред. совет: Н. Е. Попков. Т. 9. – Самара: Самарский дом печати, 1998. – С. 242.
26. Искандаров Р. Ш. Верхние и Нижние Чебеньки. – Сакмара, 1999. – С. 130–131.
27. Яковлев А.Н. «По мощам и елей». М: Евразия,1995. – 191 с.
28. Сеньюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М.; Н. Новгород, 2013. – 231 с.
29. Насыров А. Течение жизни. Село Теплый Стан (1563–2004): Историко-библиографические очерки. / Пер. с тат. Самара: Офорт, 2005. – 335 с.
30. Трудный путь к правде : [Док. очерки о жертвах сталин. репрессий в Респ. Башкортостан] / Центр. гос. арх. обществ. об-ний Респ. Башкортостан; [Сост. Иргалин Г. Д., Каменев Н. П.; – Уфа : Башк. изд-во «Китап», 1997. – 271 с.
31. ОГАСПИ. Ф.4. Оп.1. Д.321. Л.47.
32. ГАОО. Ф.134. Оп.1. Д.80. Л.8.
33. Потапова А.Н. Село Алабайтал: страницы истории// История и этническая культура татар Оренбуржья. Материалы науч.-практ. конференции. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2011. – С.113.
34. Мунэжэтлэр. Чалы.Мунажаты. Набережные Челны, 1995 . – С. 95. (на татарском языке).
35. Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Оренбург: ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2015. – 716 с.

Archpriest Sergey Demakin

Repressive Soviet policy towards the Muslim clergy in the 20-30s of XX century in the Orenburg region

The article is devoted to the study of the causes, stages and scale of repression against the Muslim clergy in 20-30 years of XX century in the Orenburg region. The tradition of public commemoration of all politically murdered at the place of execution in the Zauralniy grove of the city of Orenburg is revealed. In chronological order it is shown how the flywheel of repression unwinds, reaching its peak in the years of the godless five-year plan (1932-1937). Despite the actual destruction of all Muslim communities in the Orenburg region, the results of the 1937 census showed the massive heroism of the faith, the majority called themselves believers.

Key words: civil war, repression, Muslim clergy, memorial to the victims of political repression, Central Muslim Commissariat, freedom of conscience, mosque, religious instruction, census, heroism of faith.